

Title	Экономика и общество в постсоветской России
Author(s)	Шмелев, Николай П.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 14, 199-220
Issue Date	1996
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8099
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034068.pdf

Экономика и общество в постсоветской России

Николай П. Шмелев

Наши реформаторы (прежде всего те, кто начал нынешние реформы в 1992 г.) не устают утверждать, что российское общество, российский человек, как оказалось, ничем особенным в сущности не отличаются от любого другого общества и любого другого человека. Иными словами, и общество, и человек у нас точно так же реагируют на экономические, социальные и прочие стимулы или, наоборот, антистимулы, как и везде в мире.

Собственно, на этом убеждении и зиждется вся исходная философия монетаризма, которая легла в основу первого этапа российских экономических реформ. Если монетаризм сработал в Боливии, Перу, Польше и работает сейчас так или иначе повсюду в мире, то почему он не должен сработать столь же эффективно и у нас?

В каком-то смысле это, конечно, верно: и наши люди, если их гладят по голове, радуются, а если их бьют — то плачут и пытаются увернуться от ударов. Природа человека везде одна. Но условия его жизни повсюду, как известно, разные — его историческая память, его социальные, культурные, национальные традиции, сама окружающая его действительность, в которой он должен жить и действовать именно сейчас, сегодня, а не когда-либо еще.

Так что же важнее для нас, для России сегодня: всеобщая природа человека, всеобщие, выверенные историей законы и ценности или те особенности нашего прошлого и нашего настоящего, которые отличают условия именно нашей, российской жизни от условий в других странах и регионах мира? Ответ, диктуемый здравым смыслом, может быть, уверен, лишь один: важно и то, и то. Необходимо искать какой-то общий вектор, какой-то действенный, жизнеспособный синтез из всеобщих закономерностей прогресса и того, что реально возможно именно в наших конкретных, российских условиях.

Но даже и в отношении тех закономерностей, что императивно действуют повсюду в мире, наши первые реформаторы произвольно выбирали и выбирают пока лишь то в основном, что по тем или иным соображениям им подходит. Правильно: если освободить цены, то всякий дефицит завтра же исчезнет — это действительно всеобщая закономерность. Ну, а такая всеобщая закономерность: если и раз, и другой, и третий ограбить людей, то, спрашивается, на какое их доверие к жизни, к правительству, на какие действенные стимулы к добросовестному труду и накоплениям можно тогда рассчитывать? Будет в таком случае эффективно действовать монетаризм или нет? Или налоги: как известно, монетаризм исходит из принципа “чем меньше налоги, тем выше уровень экономической активности, тем больше денег в казне”. Почему же тогда наши реформаторы действовали и все еще действуют по принципу “прямо наоборот”?

Но еще в большей мере, думаю, нашим первым реформаторам нужно поставить в упрек то, что они пренебрегали и пренебрегают многими важнейшими реалиями именно нашего российского общества, реалиями, которые никак не укладываются в общую схему монетаристской концепции рыночного хозяйства.

Для сложившегося, устоявшегося общества, многие десятилетия, а то и столетия развивавшегося в условиях демократии и рынка, эти реалии либо неизвестны вообще, либо, допускаю, могли бы показаться второстепенными, подчиненными по своему значению. Россия же живет сегодня в условиях переходного периода от одного, привычного состояния общества к какому-то другому, пока еще неясному до конца никому (хотя, как можно надеяться, все-таки приближающемуся к тому, чем живет весь остальной цивилизованный мир). И сегодня не только наши прошлые трагедии (“мертвый хватает живого”), но и все наши нынешние повседневные печали и заботы, в том числе и порожденные самими реформами, делают совершенно невозможным прямолинейное движение России к рынку в соответствии, так сказать, только лишь с элементарными учебниками по макроэкономике.

Политика, социальное положение общества, национальные особенности, психологическое и нравственное состояние людей имеют сегодня для перспектив российской экономики гораздо большее, убежден, значение, чем они имели и имеют в других странах, успешно осуществивших или осуществляющих радикальные экономические реформы.

Политические факторы

Для судеб нашей экономической реформы самым, наверное, тяжким по своим последствиям политическим событием последних лет был *внезапный развал Советского Союза*, решения встречи в Беловежской Пуще, по существу в одночасье разрушившие многовековое единое пространство огромной страны.

Это не только незаживающая политическая и нравственная травма для населявших ее народов. Развал Советского Союза оказал исключительное по своей разрушительной силе воздействие на экономику как собственно России, так и других бывших советских республик. Конечно, он избавил Россию от постоянного экономического кровопускания в виде ежегодных многомиллиардных субсидий другим республикам (хотя тоже не до конца: например, непрерывно растущий и очень сомнительный в смысле возврата долг Украины России за энергопоставки уже приблизился к 5 млрд. долл.). Но он, этот развал, привел в то же время и к утере многих традиционных рынков сбыта для российской продукции, разрыву многолетних кооперационных связей между давно приспособившимися друг к другу поставщиками, невозможности естественного, т.е. бесприпятственного, перемещения товаров, знаний, капитала и рабочей силы через неожиданно возникшие вдруг новые государственные границы. В 1991 г. на долю стран СНГ и Балтии приходилось более 2/3 внешнеторгового оборота России, в 1994 г. — менее 1/4, а в 1995 г. этот показатель может составить менее 1/5.

По оценкам ряда экспертов, разрыв нормальных экономических связей с бывшими советскими республиками на первом этапе реформ (1992–1993 гг.) был причиной примерно 50% всего падения ВВП России, еще порядка 20–25% этого падения приходилось на разрыв связей с бывшими странами СЭВ и лишь 25–30% его были следствием собственно проводимых рыночных преобразований. Очевидно, что абсолютные 9–10% падения ВВП от уровня 1991 г. вследствие именно перехода к рынку — это была бы, по всем мировым критериям, вполне приемлемая “цена” за столь далекоидущие преобразования. Россия, добившись, наконец, долгожданного

равновесия на рынке, могла бы этого падения даже всерьез и не почувствовать.

Спрашивается: разве могла бы даже самая изощренная монетаристская теория предусмотреть действие этого фактора — развала именно той самой страны, где такая теория должна была бы быть применена на практике? И разве знали что-либо подобное другие страны, успешно продвинувшиеся по пути рыночных реформ — Китай, или Польша, или, скажем, страны Латинской Америки? И сколько потребуется России времени и сил для компенсации этого ущерба, для выхода на другие рынки, устойчивой переориентации всей ее экономики на другие, фактически незнакомые ей ранее направления? Да и нужно ли это ей в таких масштабах вообще?

Другой важнейший политический фактор, оказывающий резко негативное воздействие на весь ход экономических реформ в стране — *беспомощность центральной государственной власти*, доходящая порой почти до полного ее паралича. Постоянная скрытая и открытая борьба между тремя ветвями власти, особенно на самом верхнем ее уровне (вплоть до прямого вооруженного противостояния, как во время октябрьских событий в Москве в 1993 г.), политическая нестабильность в обществе, всеобщее ощущение зыбкости, ненадежности происходящего вокруг — это отнюдь не та переменная (или переменные), которая могла бы получить хоть какое-то реальное отражение даже в самой сложной, самой многофакторной динамической модели, описывающей с помощью количественных зависимостей, уравнений и кривых нынешнее положение российской экономики и возможные пути ее дальнейшего движения вперед. Но именно эта переменная (или переменные) в решающей мере сегодня и определяет ход и перспективы экономических реформ в стране.

Кто знает, например, какими дополнительными экономическими трудностями и лишениями пришлось заплатить России за абсолютно неконструктивную, безответственную позицию ее первого парламента, не в последнюю очередь продиктованную, между прочим, даже такими, казалось бы, несерьезными причинами, как мелкая амбициозность и фанфаронство его тогдашних руководителей? Или какую роль в размахе и темпах набравшей силу с 1992 года инфляции сыграла ожесточенная политическая борьба между президентом и парламентом, налево и направо раздававшими (в пику друг другу) несбыточные популистские обещания, удовлетворить которые у российского бюджета не было никаких иных возможностей, кроме как ускорения работы печатного станка? И кто виноват, скажем, в том, что столько лет уже центральная власть не может сделать ничего существенного в российской деревне, в нашем деградирующем сельском хозяйстве — собственная ли нерешительность президента и правительства или упорное сопротивление и первого, и второго парламента (боюсь, что и третий в этом отношении будет не лучше) любым реальным реформам на селе, включая и главный вопрос — о земле?

Или другой в высшей степени характерный именно для нашей жизни пример: решилась, наконец, центральная власть исправить в 1995 году собственную же крупнейшую ошибку — ликвидировать таможенные льготы по импорту (в том числе спиртного и табака) т.н. “общественным” организациям, льготы, лишаящие бюджет в пользу ничем не прикрытого обогащения отдельных лиц более чем 4 млрд. долл. дохода ежегодно. (“Новое время”, №24, 1995) Кто, пусть и на время, парализовал эту нужнейшую для экономического здоровья страны акцию? Тот же парламент, а,

вернее, могущественные и фактически криминальные люббистские структуры, вынудившие его чуть не единогласно принять соответствующий закон.

Позволительно в этой связи спросить: так в какую стратегию экономического равновесия и финансовой стабилизации, в какие учебники макроэкономики вписывается этот формально чисто политический, более того — “благородный” по видимости шаг нашего парламента? И этот шаг — всего лишь один из множества ему подобных, свидетелями которым мы, россияне, были все последние годы.

Несомненно, однако, одно: после принятия новой Конституции (при всем ее несовершенстве и очевидной авторитарной направленности) политическая жизнь новой России начала приобретать хоть какую-то определенности и устойчивость.

Во-первых, стало ясно, что при сложившемся соотношении политических сил, интересов, групповых и личных амбиций, продолжающих раздирать российское общество, единственной действенной гарантией более или менее последовательного проведения экономических реформ являются президент и правительство страны. Конечно, это тоже плохая, в высшей степени ненадежная гарантия, поскольку слишком многое здесь зависит от личностей, а не от устоявшихся политических механизмов и четко определенных, общепринятых демократических процедур принятия важнейших государственных решений. Но других гарантий у российского общества (по крайней мере, на сегодняшний день) нет: жезль показала, что никакие даже ясно выраженные государственные интересы страны не могут перевесить в только-только народившейся российской демократии безответственность, близорукость, дешевый популизм и самую вульгарную алчность новых пришельцев в ее политическую жизнь, успевших уже испробовать вкус власти.

Может быть, это и невесело звучит, но именно т.н. “партия власти”, убежден, олицетворяет сегодня надежды российского общества на стабильность, на то, что нужные стране экономические, социальные и другие решения (пусть и с КПД, как у паровоза Стефенсона) будут все же так или иначе реализовываться на практике.

Во-вторых, важнейшим положительным сдвигом в нашей сегодняшней политической жизни (даже если это и покажется кому-то циничным) я считаю также то, что наконец, похоже, сложился некий “модус-вивенди” в отношениях между старой, заслуженной чиновной “номенклатурой” и новыми деятелями “демократической волны”. Период растерянности для старой “номенклатуры”, несомненно, миновал: преодолев первоначальный “послеавгустовский” испуг и страх разом потерять все свои привычные позиции, она проявила недюжинную изворотливость и гибкость и в конце концов в массе своей неплохо приспособилась к новым условиям жизни. Все-таки прежние навыки, опыт, квалификация в управлении страной и людьми не могли пройти бесследно: в политике ли, в административных ли структурах, в бизнесе, но старая “номенклатура” (лишь слегка потесненная новыми пришельцами) сохранила свой контроль и над обществом, и над экономикой, всего за два-три года усвоив, что прежняя, так милая ее сердцу жизнь уже не вернется больше никогда.

Какой-никакой, но это тоже признак стабилизации, по крайней мере, с точки зрения сохранения какого-то профессионального уровня в управлении страной. Как говорится, “за одного битого двух небитых дают”: опыт последних лет показал, что на другую, “новую” (и, что особенно важно — квалифицированную) управленческую элиту у нынешней России сил просто физически нет или почти нет. Ну, а о “третьей

элите” и вообще говорить еще рано: приход новой, не изуродованной всем нашим трагическим прошлым элиты к власти, в силу естественных возрастных причин, еще только-только маячит где-то там на горизонте.

В-третьих, весьма позитивным для будущего России представляется и начавшийся процесс формирования массовых политических партий. Пока еще он у многих вызывает лишь улыбку: большинство этих, возникших, как грибы после дождя, карликовых партий представляют в основном лишь интересы их непосредственных организаторов, а не интересы каких-то влиятельных слоев общества. Но сегодня было бы, наверное, уже оправданным надеяться, что в недалеком будущем Россия вполне может иметь четко выраженную партийно-политическую структуру из пяти, скажем, главных партий (не считая, конечно, всякие экстремистские или экзотические образования): демократическую, либерально-рыночную партию (15–20% электората), центристский блок, созданный на основе нынешней “партии власти” (30–35%), социал-демократическое движение (20%), партию экскоммунистов (15%), националистический блок (10%). А если не произойдет никакой политической катастрофы, то в перспективе 5–10 лет Россия вполне может иметь и нормально работающую, устойчивую трехпартийную структуру: консерваторы (правые либералы и центристы), социалисты (левые), умеренные националисты.

Иными словами, база для подлинного общественного компромисса — сердцевиной которого в наших конкретных условиях является, убежден, обеспечение жизненного пространства и гарантий существования для многомиллионного (ничего не поделаешь, вековое наследие России!) класса чиновничества на всех его уровнях — похоже, что уже начинает реально складываться. У чиновничества (“номенклатуры”) могут быть и центр, и правое крыло, и левое крыло. Оно может быть в большей или меньшей степени склонно поделиться властью и влиянием с другими классами и слоями общества. Но жизнь, во-первых, показала, что оно, чиновничество, нужно стране при любых обстоятельствах и (по крайней мере, в видимой перспективе) при любом повороте событий. А во-вторых, при всей его кажущейся заскорузлости, чиновничество тоже имеет инстинкты самосохранения, вынуждающие его, когда нет другого выхода, отступить от тотальных претензий на власть и собственность в стране. Мера же такого отступления, т.е. мера согласия “номенклатуры” на свободное, беспрепятственное развитие всех созидательных сил общества — это, видимо, и будет в дальнейшем центральный вопрос нарождающейся российской демократии, решаемый, надо надеяться, нормальной, т.е. парламентской, борьбой основных российских политических сил и партий.

Важнейшим условием такого действенного общественного компромисса неизбежно должно также стать *новое распределение полномочий и социально-экономической ответственности между центром и российскими регионами*. Последнее во времени доказательство исключительной серьезности этой проблемы для судеб России — трагический, абсурднейший по своей нелепости конфликт в Чечне.

Дело не только в авантюризме и психической неадекватности тех, кто инициировал этот конфликт. Дело в отсутствии четко выраженной, стабильной, конституционно закреплённой формулы федеративного устройства России, прежде всего экономических отношений между Москвой и регионами.

Москва все еще продолжает бороться с “ветряными мельницами”

регионального сепаратизма. На самом деле нет его, этого сепаратизма: есть то, что давно уже естественным порядком происходит во всем цивилизованном мире, но что никак еще не осознается до конца у нас в высших эшелонах власти. В сложноорганизованной стране, сложноорганизованном обществе чем больше полномочий передано на места, тем лучше для государства, для его политической и экономической стабильности, для самонастройки всей его общественной жизни. Разумеется, до определенного, тоже естественного предела: внешняя политика, оборона, общенациональное законодательство, таможня, деньги, строительство и поддержание общенациональной инфраструктуры, поддержка депрессивных районов, — это всегда и везде остается прерогативой центра.

Пока, к сожалению, эта проблема решается у нас не столько цивилизованным, конституционным путем, сколько, так сказать, “явочным порядком”, ожесточенным взаимным “уторговыванием” — в меру смелости, а иногда и наглости руководителей отдельных регионов и, с другой стороны, весьма неохотной склонности Москвы идти на уступки. Но результаты даже такой стихийной, нецивилизованной борьбы уже очевидны: распределение общих налоговых поступлений в стране между Москвой и регионами от еще совсем недавнего соотношения 95:5 приблизилось в 1994–1995 г.г. к соотношению 40:60 и, видимо, и дальше будет изменяться в пользу регионов. В 1995 г. в договоре между Москвой и республикой Якутия-Соха была найдена и другая формула распределения доходов и социально-экономической ответственности: Якутия-Соха получила в полное свое распоряжение 26% добычи алмазов, 30% золота, столько же примерно нефти и газа, но зато обязалась своими средствами покрывать социально-экономические потребности республики, включая и сезонный “северный” завоз потребительских товаров, энергоресурсов и всего прочего для своих собственных нужд.

Беда, однако, в том, что подобные соглашения между Москвой и регионами носят все еще зыбкий, ненадежный характер: это пока не общий принцип федеративного устройства России, а только прецедент, т.е. важный, но всего лишь частный случай. Рискну высказать надежду, что конфликт в Чечне — вероятно, последняя в видимой перспективе попытка решить естественные региональные проблемы России столь неестественным, варварским путем. Однако эта попытка вполне может оказаться не последней, если и дальше и Москва, и регионы будут полагаться только на двусторонние переговоры, интриги, взаимное давление и “борьбу под ковром”, а не нормальные конституционные процедуры, основанные на согласованном, конституционном же и достаточно конкретизированном общем принципе взаимного делегирования полномочий и социально-экономической ответственности.

Но если в отношениях между центром и регионами в последние годы все же намечился какой-то прогресс, то другая важнейшая проблема демократического устройства новой России — *проблема местного самоуправления, самоорганизации жизни российского общества на ее местном, базовом уровне* — не решается пока, по сути дела, никак (даже и “явочным порядком”). Здесь, в этой важнейшей сфере, реальная действительность России сегодня мало в чем изменилась в сравнении не только с непосредственно пред-реформенным, но и со всем советским периодом нашей истории.

Понятна тревога, например, А. Солженицына, который, призывая к возрождению “земства”, продолжает настойчиво указывать нашей общественности, что жизнь

страны меняется только наверху, на поверхности, но никак не меняется там, где ее основные, глубинные корни, т.е. на уровне деревень, поселков, районов, небольших и даже сравнительно крупных городов. Не меняется она ни в административном, ни в структурно-организационном, ни в экономическом (бюджетном) отношении. Местное управление все еще не формируется демократическим, т.е. выборным, путем, и места не имеют пока никаких серьезных средств (несмотря на 19 местных налогов) для решения как раз тех проблем, которые везде и всюду в наибольшей мере затрагивают повседневные интересы населения.

Иными словами, демократического общества на местном уровне пока в России просто не существует. Есть хилые административные структуры, в основном сохранившиеся с прошлых времен, есть какие-то начатки пробуждающейся местной самодеятельности, но того общественного устройства, которое поощряло бы личную и коллективную инициативу в административных, социальных, экономических и других делах, защищало бы интересы и безопасность граждан, побуждало бы их самим решать свои проблемы (от санитарии в подъездах и на улицах до социальной помощи тем, кто в ней нуждается) — таких условий в России еще нет.

Убежден, пока на местном уровне не наметится каких-то принципиальных, видимых всем изменений, нет смысла рассчитывать на преодоление не только политической, но и даже обыденной, житейской апатии “молчаливого большинства” страны, что так тормозит сегодня ее экономическое и социальное возрождение. Пока еще, думается, ни Москва, ни — что особенно печально — набирающие силу региональные (областные, краевые и республиканские) власти либо вообще не понимают значения проблемы местного самоуправления, либо просто не готовы поделиться лишь недавно захваченной или вновь возвращенной властью с самоорганизованным, самостоятельным обществом в лице хотя бы того же “земства”. И это еще один (по природе своей больше даже политический, чем экономический) аргумент за то, что болезненные структурные реформы в России будут продолжаться не годы, а десятилетия, а может быть, и поколения.

Социальное состояние общества

Очевидно, что вероятная в близком времени экономическая стабилизация (т.е. равновесие на рынках между товаром и деньгами, приемлемый уровень бюджетного дефицита, умеренные темпы инфляции, устойчивость национальной валюты) — это, объективно, лишь начальный этап оздоровления российской экономики. Она, эта экономическая стабилизация, может стать признаком возрождения, а не загнивания лишь при том условии, если за ней последуют надежный экономический рост, активизация всех созидательных сил общества, рост сбережений и, соответственно, рост инвестиций, обеспечивающих восстановление экономического потенциала страны и его расширение по новым направлениям.

К сожалению, за годы реформ текущие инвестиции в России сократились более чем на 70%. Возникла реальная угроза деиндустриализации страны. И даже при благоприятном развитии событий объемы производства ВВП в России в 1989 г., по оценкам, не могут быть теперь достигнуты (естественно, в новой структуре) ранее 2010 года.

Но от чего зависит оно, это “благоприятное развитие событий”? Только ли от политических и сугубо экономических факторов? Думается, еще в большей мере это развитие зависит от общей социальной обстановки в стране, от психологического состояния общества, от наличия или, наоборот, отсутствия действенных стимулов к добросовестному труду и сбережениям.

Пока, по крайней мере, социальная обстановка в России в этом отношении не улучшилась, а, напротив, ухудшилась. Спор может быть лишь о том, насколько она ухудшилась.

Критики нынешнего правительства указывают прежде всего на тот факт, что общий уровень потребительских цен в стране с января 1992 г. (начало реформ) по март 1995 г. возрос в 4,4 тыс. — 5,5 тыс. раз, средняя же зарплата — всего в 1,2 тыс. раз: иными словами, формально зарплата за эти годы снизилась на 70–75%. Более взвешенный подход, однако, показывает, что реальные доходы населения снизились за эти годы все-таки значительно меньше: необходимо учитывать, во-первых, то, что сам переход от состояния абсолютного дефицита всего и вся на прилавках к полной насыщенности потребительского рынка повышает уровень реальной зарплаты людей примерно в 1,5–2 раза, а во-вторых, зарплата сегодня составляет лишь 40% доходов трудящихся по найму, около 45% всех их доходов — это поступления из других источников, включая вторую, а где и третью занятость, доходы от собственности, торговых и финансовых операций, пособия и пр.

Таким образом, более спокойная оценка говорит о том, что *в среднем уровень жизни населения снизился в России за годы реформ примерно на 10–20%*. Это, бесспорно, плохо, но пока еще в целом, видимо, терпимо.

Одновременно следует отметить, что на будущее исключительно важен такой далекоидущий социальный сдвиг в жизни российского общества, как наметившееся в последние годы более справедливое распределение доходов между трудом и всеми другими претендентами на долю в конечном продукте страны, включая в первую очередь государство. Если в 1990 г. доля зарплаты в ВВП России составляла всего 25% (а, например, в странах Западной Европы и США — 65–70%), то сегодня соответствующий показатель уже поднялся до 55%. Пока еще этот безусловно положительный результат реформ общество не осознало, он не чувствуется на поверхности жизни. Но в перспективе, убежден, именно это более справедливое распределение вновь создаваемого национального продукта может стать и, видимо, станет основой социальной стабильности и общественного мира в стране.

Вместе с тем очевидно, что падение абсолютного уровня зарплаты, каким бы оно ни было, не может не сказаться резко отрицательно на достижении одной из главных целей реформы, а именно, повышении активности населения, добросовестности и эффективности его труда. Никак не способствует этому (хотя, естественно, и будоражит людей, не дает им расслабляться) и необходимость сегодня по сути дела для каждого искать побочные заработки, побочные доходы — иначе не выживешь. Помноженное на резкий спад в производстве, это отсутствие стимулов к нормальному труду на своем рабочем месте привело к тому, что за годы реформ производительность труда в России снизилась примерно на 45%. Пугающий показатель! Особенно для страны, которая уже спустилась по уровню производительности труда на 50–60-е место в мире.

Более того: показатели жизненного уровня по стране в целом мало что говорят на деле о реальном состоянии сегодняшнего российского общества — не больше, чем, так сказать, показатель “средней температуры у больных в больнице”. Примерно у трети населения России доходы сейчас ниже более чем скромного официального прожиточного минимума, а это 44–45 млн. человек. Около 20% населения живут в условиях самой откровенной нищеты. *Особенно трудно приходится пенсионерам и всем другим, живущим на социальные пособия.*

Положение здесь сегодня кажется почти тупиковым: пока не начнется серьезный экономический рост, у государства просто физически нет средств на поддержание доходов этой части населения на более или менее приличном уровне. Ситуация усугубляется еще и тем, что в России заметно выше доля пенсионеров в населении, чем во многих других странах: в Японии, например, на одного пенсионера приходится 2,6 работающих, в США и Франции — 2,5, а у нас же — всего 1,8. В этой связи не удивительно, если правительство России будет вынуждено в конце концов повысить возраст выхода на пенсию — по крайней мере, на какое-то время, пока реформы не начнут приносить ощутимую социальную отдачу.

Но даже и это снижение уровня жизни, особенно пенсионеров и всех живущих на государственные пособия, было бы, как говорится, не смертельно, если бы людям удалось сохранить в ходе реформ свои накопления, сделанные за долгую трудовую жизнь. Беда, однако, в том, что *все накопления населения испарились за несколько недель в 1992 г.*, в результате либерализации цен без всякой компенсации по вкладам в сбербанках. Вряд ли что другое еще за годы реформ так ухудшило общую социальную обстановку в стране: вспоминая известное выражение Талейрана, это было даже хуже, чем преступление — это была ошибка. Люди этого реформатора не простили, а если и когда-нибудь простят, то уж не забудут, это точно, никогда.

Доверие людей к государству завоевывается десятилетиями, а теряется, бывает, в один день. Сейчас, с принятием закона о восстановлении сбережений, государство пытается вроде бы исправить эту свою трагическую ошибку. Но как конкретно оно намерено это сделать? Раздать вкладчикам в компенсацию долгосрочные государственные бумаги? Наделить их всех поголовно долей в государственном имуществе, включая землю? Превратить их всех в акционеров Сберегательного банка? Все это в высшей степени сомнительно, и не следует возмущаться, что столь нагло (и не один раз) обманутые государством люди уже не верят больше ничему. Между прочим, это неверие государству имеет самый что ни есть прямой монетаристский (и весьма отрицательный) эффект: по оценкам, из имеющихся сегодня на руках у людей примерно 20 млрд. долларов, полугосударственному Сбербанку удалось привлечь на вклады лишь 200 млн., и еще примерно 200 млн. долларов вложено в другие коммерческие банки.

Вот это и есть, как представляется, наглядное соотношение между чистым монетаризмом и социальной психологией — 2:98. Люди не верят теперь даже высокому проценту по вкладам — они не верят никому и ничему, предпочитая хранить деньги у себя под подушкой или же (но уж только на свой страх и риск) играть ими в различные “пирамиды” и другие спекулятивные игры.

Тем не менее, следует признать, что первый и самый сильный удар, который нанесла реформа по интересам “человека с улицы” — общее падение жизненного

уровня и конфискацию сбережений — российское общество выдержало, и никакого социального взрыва в стране не произошло. Видимо, пределы терпения простого человека и его отвращение — после всех трагических событий XX века — к насилию и крови действительно у нас в России почти безграничны.

Однако это, естественно, не значит, что таких пределов вообще нет. Больше доходам простых людей падать некуда. Снижение реальной средней зарплаты за первое полугодие 1995 г. на 7% — факт в высшей степени тревожный с точки зрения социальной стабильности в стране. Очевидно, что любые, даже самые минимальные по своему значению действия российского правительства в этом же духе будут теперь приносить лишь непропорционально негативный для перспектив “успокоения” страны эффект. И именно поэтому, как видится, правительство не может себе позволить сегодня даже, например, такой вполне логичный в теории и более того — нужный на практике шаг, как повышение платы за жилье, коммунальные услуги и транспорт до нормального, т.е. мирового, уровня. В нынешней России это представляется возможным лишь тогда, когда средняя зарплата в стране хотя бы приблизится к чему-то такому, что присуще сегодня другим промышленно-развитым странам мира.

Но если российское общество, похоже, все же выдержало этот первый удар по интересам населения, нанесенный реформой, то выдержит ли оно второй — *нарастающую, как снежный ком, безработицу?*

Пока, по крайней мере, ясно одно: сам факт значительной безработицы российское общество, никогда не знавшее ее в течение уже многих десятилетий, так или иначе приняло. По официальной оценке, число полностью безработных составило в первом квартале 1995 г. 2 млн. человек, или 2,6% всего активного населения. Но по более надежной методике, учитывающей всех не имеющих и ищущих работу, количество полностью безработных в России составляет сегодня 5,6 млн. человек, т.е. 7,5% рабочей силы. А если добавить к ним 4,2 млн. неполностью занятых, т.е. 5,6% активного населения, то армия полностью или частично безработных в стране составит сейчас не менее 13%. Это уже сам по себе достаточно высокий показатель, сравнимый или даже превышающий соответствующие показатель для стран Западной Европы, не говоря уже о США или Японии. А в 1996 г. число безработных в стране, по официальным оценкам, может возрасти еще на 1,5 млн. человек, т.е. приблизится к уровню 15% от активного населения.

Однако и это лишь видимая часть айсберга. Пока еще в силу традиции поведение российских государственных, полугосударственных и даже частных предприятий далеко не отвечает рыночным законам и стимулам: большинство из них еще первой и самой важной своей целью ставят не прибыль, а поддержание занятости и сохранение своих производственных коллективов. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что при падении ВВП в стране в последние годы более чем на 50%, занятость сократилась на 5–6%.

Если же исходить из того, что из обреченных на закрытие примерно 1/3 российских производственных мощностей остановлено уже 20%, но не менее 13–15% еще осталось; если учесть, что начало неизбежного процесса банкротств неэффективных предприятий все еще искусственно затягивается (а таких предприятий, по правительственным критериям, в принципе может быть до 70%); если принять во внимание, что производительность труда в российской промышленности снизилась за

последние годы почти в 2 раза, т.е. “безработицу на рабочем месте”; если, наконец признать экономическую нежизнеспособность ряда крупных депрессивных регионов (вроде Воркуты), многих “номерных” городов, многих из 400 градообразующих предприятий, вокруг которых сосредоточено до 25 млн. населения, — то потенциал безработицы в стране должен быть оценен в величинах порядка 25–30 млн. человек.

Это чудовищная по своей взрывчатой силе проблема, и решить ее, эту проблему, только методами “свободного рыночного хозяйства” не может сегодня ни одно правительство, сколь бы решительным и авторитарным оно ни было.

Именно здесь лежат в основном причины того, что России, вопреки утверждениям “монетаристов”, нужно и сегодня, и в видимой перспективе сильное, а не слабое государство при его возрастающей, а вовсе не снижающейся роли в социально-экономической жизни страны.

Необходимо прежде всего создание прочной “социальной сетки безопасности”, которая могла бы смягчить зачастую невыносимо болезненные социальные последствия проводимых структурных преобразований. Достаточно ощутимые пособия по безработице (и, конечно, не на нищенском уровне нынешней минимальной зарплаты), действенная государственная служба занятости, разветвленные “общественные работы”, эффективная система переподготовки высвобождаемой рабочей силы, перемещение ее к новым местам работы, строительство для нее в этих новых местах жилья, школ, больниц, коммуникаций — все это обязанности не кого-либо, а именно государства, будь то на центральном, или региональном, или местном его уровнях.

Пока еще создающаяся в стране “социальная сетка безопасности” охватывает, по оценкам, вряд ли более 1% существующих потребностей. Основные средства для нее могут и должны быть обеспечены переводом традиционных бюджетных субсидий убыточным предприятиям непосредственно в социальную сферу. И в этом смысле сокращение доли субсидий в расходах государства примерно в 2,5 раза следует признать как в целом социально позитивный процесс, если, конечно, высвобождаемые средства направляются именно на социальные, а не какие-либо иные нужды. По весьма приблизительным оценкам, задача смягчения социальных последствий структурной перестройки требует дополнительно 4–5% ВВП страны, направляемых непосредственно на эти цели. Хотелось бы надеяться, что заявленный в проекте федерального бюджета на 1996 г. рост расходов на социальные нужды с 3 до 7% ВВП будут отражать, среди прочего, и эти первоочередные потребности нынешнего российского общества, с понятным страхом ожидающего неконтролируемого взрыва безработицы.

Необходимость решать болезненные социальные, национальные, территориальные и даже геополитические проблемы страны заставляет вообще с крайней осторожностью относиться к либерально-монетаристской рецептуре, основанной преимущественно на свободе движения факторов производства под влиянием чисто стоимостных, рыночных стимулов и антистимулов. Скажем, такая проблема: что делать России с ее Дальним Востоком? По монетаристским критериям, весь этот регион должен оборвать свои экономические связи с европейской частью России и полностью переключить их на такие страны Тихоокеанского бассейна, как Китай, Северная и Южная Корея, Япония, США, Австралия и др. Не только зерно, но при существующих транспортных тарифах (вполне возможно, и справедливых по рыноч-

ным критериям) и уголь, и нефть, и металлы, и все другое прочее Дальнему Востоку гораздо выгоднее везти не из остальных регионов России, а из-за рубежа. Но если Россия заинтересована в дальнейшем заселении и освоении этих богатейших в перспективе территорий (а она заинтересована), то ей неизбежно придется проводить политику искусственных субсидируемых цен (прежде всего транспортных тарифов) на поставки продукции в этот регион и из него. Как, между прочим, она это и делала всегда, начиная со второй половины XIX века.

Вместе с тем, никакие теоретические, а тем более идеологические соображения не должны заслонять для нас то обстоятельство, что именно рыночные, частнопредпринимательские формы хозяйства могут и должны стать основным способом решения столь остро обозначившейся сегодня в России проблемы занятости. Структурная перестройка российской экономики (т.е. “выбраковка” нежизнеспособных предприятий и резкое повышение, на основе рынка и конкуренции, производительности общественного труда) неминуемо ведет к тому, что во всей видимой перспективе государственные и бывшие государственные, а ныне приватизированные предприятия будут в целом лишь высвобождать рабочую силу, а не втягивать ее.

Мы все еще никак не отвыкнем от глубоко укоренившегося в обществе предрассудка, что экономика — это что-то такое крупное или, на худой конец, среднее по своим размерам. На самом деле в любом здоровом современном обществе основной массив экономики составляют мелкие и мельчайшие предприятия, находящиеся в частных руках: именно они и есть в массе своей основной работодатель на рынке труда.

В современной России нет сегодня (и долго не будет) иной реальной силы, кроме мелкого и среднего стихийного частного предпринимательства, которая могла бы обеспечить хоть какую-то занятость многих миллионов людей, высвобождаемых с закрывающихся или модернизируемых предприятий или вновь поступающих на рынок труда. Этот процесс может быть открытым, а может быть и скрытым: даже сегодня, когда деятельность частного сектора искусственно и, убежден, преднамеренно сдерживается, число официально нигде не работающих, но имеющих какое-то постоянное либо временное занятие в частном секторе, по ряду оценок, в 3–4 раза превышает число официально ищущих работу. Всего за три года реформ доля активного населения, занятого в сфере услуг, выросла с менее 30 до свыше 50%. Это все преимущественно стихийная, не организованная сверху занятость.

И никакая идеология здесь не при чем. Если российскому обществу, российскому государству суждено когда-либо избавиться от неприемлемо высокого уровня массовой безработицы, оно в конце концов, вопреки всем силам сопротивления, будет вынуждено сделать открытую и недвусмысленную ставку на частное предпринимательство как на единственно реальное средство избавить реформируемую страну от опасности разрушительного социального взрыва. Более того: уверен, что такой открытый и недвусмысленный выбор не за горами. Это, думаю, дело нескольких ближайших лет, даже если к власти и придут у нас менее, чем нынешнее правительство, реформаторски настроенные силы.

Политика “хирургии без наркоза”, проводимая в последние годы, привела также к образованию в стране *многочисленных “зон социального бедствия”*, охватывающих целые отрасли, территории и весьма значительные слои населения.

Если в дореформенный период в России в недопустимо тяжелом социальном положении находилась (и продолжает находиться) преимущественно деревня, в особенности умирающее российское Нечерноземье, то в годы реформ в такие “зоны социального бедствия” попали еще и армия, военно-промышленный комплекс, здравоохранение, образование, наука, культура, правоохранительные органы — т.е., по сути дела, почти все, кто получает зарплату из бюджета. Россия оказалась также совершенно неготовой и к возникновению такого нового фактора социальной напряженности, как появление в ее пределах уже свыше 1 млн. беженцев из стран СНГ, для которых у нее фактически нет сегодня ни работы, ни пособий, ни жилья.

Допускаю, что на фоне тех тектонических сдвигов, которые происходят в стране сегодня, это может показаться кому-то и не самой главной проблемой современной России. Более того: многое из того, что сейчас происходит, было неизбежно, как говорится, при любом раскладе. Скажем, то бремя гонки вооружений, которое взвалили на Россию большевики, стало уже не просто невыносимым — оно стало абсолютно бессмысленным: ни армия такой невероятной численности, ни запредельные масштабы производства и накопления обычной военной техники, ни даже ракетно-ядерный потенциал подобных размеров России уже просто физически были не нужны, какие бы оборонительные задачи перед ней ни стояли. В этом плане и сокращение военного бюджета с обычных 18–20% (а при учете глубоких деформаций в ценах — и значительно больше) до менее чем 4% ВВП в 1996 г., и резкое уменьшение численности армии (и этого еще мало), и сокращение военного заказа промышленности на 70–80%, и многое другое нужно, конечно, не осуждать, а только лишь приветствовать.

Но сделано это все было, к сожалению, не скальпелем, а топором. В итоге мы имеем сегодня униженную, оскорбленную, низкооплачиваемую и в значительной части ее кадрового состава — бездомную армию, представляющую, по мнению многих, серьезную потенциальную угрозу для политической стабильности в стране. В этих условиях можно понять тех скептиков, кто вообще не верит в возможность комплектования армии по контрактному принципу просто потому, что достаточного числа охотников на контрактную службу в стране теперь, наверное, еще долго не найдешь. Мы имеем разваливающийся оборонный научно-технический потенциал: расходы на оборонную науку и технические разработки снизились в 90-х годах в 10 раз, и около 40% научно-технических работников уже покинули систему Гособоронпрома (причем 70 тыс. из них, по данным на начало 1994., уехало за границу). И, наконец, потерпела провал и конверсия оборонной промышленности в ее нынешнем, так сказать, “судорожном” виде: если конверсионное производство (видеотехника, телевизоры, стиральные и швейные машины, холодильники, бытовая радиотехника) несколько оживилось в 1992–1993 гг., то в 1994 г. оно, не выдержав конкуренции с более качественным импортом, буквально рухнуло, сократившись по большинству позиций в 2–3 раза.

В еще более трудном положении находится сегодня остальная бюджетная сфера. Развал, нищета государственного здравоохранения (при беспомощности новой, страховой медицины) уже превратились в одну из самых болезненных повседневных проблем общества, ощущаемую буквально каждым и на каждом шагу. Расходы на образование, по оценкам Г. Явлинского, сократились по сравнению с предреформенным временем в 10 раз, на науку — в 5 раз. Наивный принцип, по которому действовало

и действует правительство реформаторов: “прижмем науку — все ненужные уйдут, а нужные останутся”, дал прямо обратный результат: ненужные остались, а нужные ушли. Культура — книгопечатание, библиотеки, музеи, театры, кино — также находятся в глубоком кризисе, перебиваясь в основном случайными доходами и все более скатываясь на сугубо коммерческие позиции, приспособленные к потребностям самой духовно и нравственно неразвитой части населения. Вся правоохранительная система держится лишь на энтузиазме и чувстве долга какой-то части профессионалов и, к сожалению, в возрастающей степени — на тех, кто нигде больше не нужен никому.

Еще три-пять лет такой политики, и Россия на десятилетия, если не на поколения вперед потеряет то, что пока еще позволяет ей быть в числе ведущих держав мира — свои мозги, свой научно-технический, образовательный и культурный потенциал. Не лишне напомнить, например, что массовая эмиграция ученых из гитлеровской Германии в 30-х годах привела к тому, что даже и сегодня, спустя 60 лет, ФРГ никак не может восстановить прежний уровень своей фундаментальной науки.

Это неправда, что у российского государства сегодня нет средств на поддержание своей духовной и умственной сферы на должном уровне. Весь бюджет Российской Академии Наук — главного научного центра страны — равен, например, в 1995 г. 140 млн. долл., в то время как, напомним, одни только льготы по импорту разного рода “афганским” и “спортивным” организациям составят в этом же году около 4 млрд. долл. И вновь хотелось бы повторить: такая политика хуже, чем преступление — это ошибка. Глубокая стратегическая, историческая ошибка, за которую России, похоже, потом еще долго придется платить.

Кажется, наши реформаторы эту ошибку начинают, наконец, признавать. Но если и признавать, то, так сказать, с очевидной долей цинизма. “Разумеется, перемещение центра забастовочной борьбы в социальную сферу является свидетельством того, на чьи плечи ложится основная тяжесть реформ. И с политической точки зрения это было явным проигрышем реформаторов, поскольку именно занятая в этих отраслях интеллигенция являлась одной из основных их социальных опор, наиболее активно поддержавшей идеи демократии и рынка. Однако объективно в среднесрочном плане такое развитие событий скорее способствовало продвижению рыночных преобразований, так как перемещало вектор социального недовольства в отрасли, в политическом отношении наименее влиятельные и в принципе неспособные резко дестабилизировать общую ситуацию в стране”. (В. Мау, *Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985–1994* (М., 1995), стр. 67–68.)

На фоне обнищания значительной части населения, растущей безработицы и расширения “зон социального бедствия” особенно болезненно российское общество ощущает сегодня резко возросшую социальную дифференциацию, углубляющуюся пропасть между “новыми русскими”, удачно приспособившимися к рыночной экономике, и основной массой простых людей, которым новая эпоха, лишив их привычных скромных, но надежных социальных гарантий, не дала взамен по сути дела ничего. Конечно, в магазинах теперь есть все, но к этому люди привыкли, что называется, в одночасье, быстро забыв о прежних бесконечных, изматывающих очередях и воспринимая изобилие на прилавках как должное, как норму. Но вот

видимая всем пропасть между разряженной публикой на “мерседесах” и пенсионерами, стоящими с протянутой рукой, — это стало чуть ли не главной чертой нынешнего социального климата в стране.

За годы реформ разница в уровне душевого дохода между верхними по доходам 10% населения России и нижними 10% увеличилась с отношения 4:1 до 20:1 (а по ряду оценок, учитывающих скрытые доходы — и значительно больше). В принципе, конечно, это естественное явление, характерное не только для периода, так сказать “первоначального накопления”, но и вообще для рыночного хозяйства. В конце концов, как известно, в любой стране предпринимательские способности имеются не более чем у 6–8% населения, остальные же везде и влуду обречены природой жить на зарплату и на различные виды социальных пособий. Однако Россия, кажется, уже и в этом отношении превзошла большинство других развитых стран мира, где пропорция в доходах между наиболее богатыми и наиболее бедными слоями населения поддерживается все-таки на значительно более социально безопасном уровне порядка 10:1.

Положение усугубляется еще и тем, что в глазах нынешнего российского общества чуть ли не все образовавшиеся за последние годы состояния являются либо откровенно криминальными, либо весьма сомнительными по своему происхождению. И во многом это действительно так.

Каковы сегодня главные источники этих состояний? У старой “номенклатуры” — это “деньги КПСС”; имущество государственных предприятий, бесплатно (путем акционирования и “ваучеризации”) переданное в собственность директоров и их окружения; режим “спецэкспортеров”, позволявший и все еще позволяющий присваивать в свой карман разницу между внутренней и внешней ценой экспортируемого товара; произвольные таможенные льготы по импорту; и пр. Не случайно в мире бизнеса сейчас бытует циничное выражение: “меня назначили миллиардером”. У новых же пришельцев в бизнес там, где им не удалось оторвать свой кусок от государственного пирога (или вместе с ним) — это прежде всего торговая прибыль, включая прямую контрабанду, валютные и финансовые спекуляции, всякого рода “пирамиды”, перевод капиталов за рубеж и пр., не говоря уже о “теневой”, т.е. прямо криминальной деятельности. Сегодня почти невозможно указать на вновь образовавшиеся состояния, которые были бы получены от расширения производства (разве что в строительстве). И все это, конечно, люди видят, знают, протестуют, но пока еще, слава богу, терпят.

Коррупция, организованная преступность, криминализация общества достигли в нынешней России таких масштабов, что многие уже начинают сомневаться: а возможно ли вообще когда-нибудь возвращение страны к более или менее нормальной, человеческой, законопослушной жизни? Многочисленные скандалы и слухи о продажности властей буквально на всех уровнях, стойкое, преднамеренно защищаемое властью господство юридической основы государственной коррупции — “разрешительного”, а не “регистрационного” принципа во всех сферах человеческой активности (и прежде всего в предпринимательстве), рэкет и контроль организованной преступности, по ряду оценок, над 3/4 — 4/5 частного бизнеса, убийства, уличный “беспредел” — все это сегодня не просто угнетает, а сплошь и рядом просто парализует здоровые силы общества. Именно здесь, убежден, следует искать корни нынешней сравнительной малоподвижности не только большинства российского населе-

ния, но и (что на сегодня даже более важно) потенциально предприимчивой, деловой его части, вынужденной тратить силы и средства на преодоление таких препятствий, которые нигде в мире предприимчивому человеку не надо преодолевать и о которых он, соответственно, даже не задумывается.

Есть ли выход из создавшегося положения? В значительной мере это, уверен, вопрос веры, прежде всего веры в ту самую природу человека, которая везде в мире одна и та же. Конечно, предыдущие семьдесят лет господства абсолютно аморального, по сути своей, криминального режима накопили в России такой “потенциал зла”, который просто не мог не выплеснуться на поверхность, когда только лишь чуть-чуть ослабли сдерживавшие его государственные возжи. Однако свойственная от природы большинству людей тяга к спокойствию, к нормальной, безопасной жизни когда-нибудь (если не в этом, то в следующем поколении) должна, надеюсь, победить и у нас.

Но она не может победить сама по себе, без помощи со стороны общества и государства. Не знаю, сможет ли страна обойтись теперь без чрезвычайных одномоментных мер, без сокрушительного и не очень скованного законом удара по коррупции и преступности. Но что она в самой близкой перспективе будет, хочешь не хочешь, вынуждена принять действенные меры по устранению причин, порождающих коррупцию и преступность именно в таких масштабах — это, думаю, неизбежно.

Безобразный дележ государственной собственности в скором времени должен закончиться, так сказать, естественным порядком, просто потому, что уже нечего будет делить. В дальнейшем российский бюрократ должен быть поставлен в условия, которые объективно ограничат поле его компетенции и его хватательные инстинкты: это, во-первых, устранение нынешнего его всевластия в деловой жизни страны, прежде всего в раздаче всякого рода экономических льгот и особенно разрешений на открытие нового бизнеса, а во-вторых, необходимо повысить его казенное жалование хотя бы до среднего уровня, который обеспечивается людям такой же квалификации в частном секторе. И, конечно, должны быть приняты специальные меры к тому, чтобы снизить численность слоя бюрократии: к сожалению, в наших конкретных российских условиях переход к демократии и рынку не сократил, а, напротив, лишь резко увеличил ее. А было ее, бюрократии, не следует забывать, в бывшем Советском Союзе порядка 17–18 млн. человек, из них надо думать, не менее 9–10 млн. — собственно в России.

В отношении же организованной преступности самое важное значение имеет, думается, создание условий для мощного стихийного подъема частнопредпринимательской активности во всех областях производства, строительства, торговли и услуг, который просто количественными своими масштабами задавит попытки разного рода преступных группировок держать частный сектор под контролем. Условия эти: во-первых, преобладание “регистрационного” принципа над “разрешительным”, во-вторых, действенная борьба правоохранительных органов против криминального рэкета, в-третьих, иной, стимулирующий, а не подавляющий деловую активность и законопослушность уровень налогообложения, в-четвертых, расширение возможностей для предпринимателя получить долгосрочный инвестиционный кредит.

Самостоятельным источником преступности у нас — как впрочем, и везде в мире — становятся безработица, обнищание наиболее уязвимых слоев населения, бездомные, беженцы из-за рубежа. Но в экономическом смысле решение этих

проблем не имеет особой специфики, отличной от общего социального состояния российского общества. Удается в будущем повысить расходы государства на социальные нужды, снизить нынешнюю социальную напряженность в стране, значит, удастся ограничить и эти причины, порождающие уже сегодня массовую, в особенности уличную, преступность.

Уверен, никто в России (включая, вероятно, и самих реформаторов) не ожидал в 1992 г., когда начиналась экономическая реформа, таких тяжелых ее социальных последствий. Не ждали обнищания и конфискации сбережений, не верили в возможность серьезной безработицы, не знали и не думали, что десятилетиями отлаженная система надежных (хотя и более чем скромных) социальных гарантий может почти полностью развалиться всего за каких-нибудь год-два. И уж тем более люди не были готовы к такому запредельному взлету коррупции, безудержного личного обогащения, преступности во всех ее видах, что так раздражает российское общество сегодня.

Эти глубокие, преимущественно негативные социальные сдвиги в современной России заставляют многих считать наиболее грозной опасностью для экономических реформ, для перехода ее к рынку не политические дрязги и борьбу на вершинах власти, не региональные или национальные проблемы и даже не падение производства и временное снижение инвестиционных возможностей страны, а именно психологическое состояние российского общества, глубинные настроения его “молчаливого большинства”. Сможет оно, это большинство, и дальше терпеть ухудшение или в лучшем случае длительную стагнацию общих условий своей жизни? Или же “гроздь гнева”, зреющая сегодня где-то там, в недрах России, взорвется все-таки раньше, чем наступят видимые всем улучшения в экономическом и социальном положении страны?

Психологический климат

Категорически, однозначно ответить на этот вопрос — “взорвется или не взорвется?” — сегодня, думаю, скорее всего не решится никто. Это тоже прежде всего вопрос веры. Мои личные инстинкты подсказывают мне, что нет, не взорвется. Но и другая, пессимистическая точка зрения имеет под собой все основания: слишком глубок нынешний социальный кризис и слишком неясны перспективы выхода российского общества из него.

Некоторые опросы общественного мнения, проведенные в последнее время, показывают, что до 55% опрошенных хотели бы, чтобы вернулась та жизнь, которой они жили при Л. Брежнев, а порядка 43% населения России при возможности выбора “социализм или капитализм” выбрали бы социализм (“Сегодня”, 7.5.1995). Конечно, ценность и даже сама репрезентативность всех таких опросов в высшей степени относительны. Но даже простое, бытовое ощущение нашей сегодняшней реальности говорит о том, что по крайней мере большинство из тех, кому сейчас за сорок, лишь терпят новые времена, лишь вынужденно приспособляются к ним, но никак не приветствуют изменившиеся в корне условия жизни.

Нельзя, однако, не учитывать тот очевидный факт, что с начала развала прежней тоталитарной системы (1985 г.) выросло целое поколение российских граждан, которое уже вступило в активную, деятельную жизнь и которое даже и сегодня уже в большей мере, чем сорокалетние и тем более пожилые люди, определяет

общественный тонус страны и, соответственно, ее дальнейшие перспективы. Это новое поколение практически не знало ни минусов старой системы, ни ее плюсов. Люди этого поколения не только внешне, но и внутренне свободны, они привыкли полагаться только на себя, и государство для них все больше и больше становится скорее некоей абстракцией, чем той повседневной давящей силой, которая, как в тюрьме или в лагере, определяла раньше вне стороны жизни человека, его судьбу, его благополучие. А на подходе уже следующее поколение нынешних пятнадцатилетних, которые вообще не знали и не знают в своей жизни ничего, кроме пусть и ущербной, но демократии и пусть малоцивилизованного, изуродованного, но все-таки рынка.

И в этом смысле слабость, социальная приниженность и пассивность старших поколений может оказаться, как это ни парадоксально, даже каким-то активом, а не только тормозом происходящих в стране реформ. Как бы там ни было, но старшие поколения в массе своей привыкли подчиняться жизни, подчиняться властям. Молодые же поколения чуть не с пеленок теперь привыкают сами строить свою жизнь. И в этой своей жизни большинство из них не хотят иметь ничего общего с прежней, отжившей общественной системой со всеми ее не только преступными, нечеловеческими особенностями, но, похоже, даже и с тем, что было в ней хорошего — нищенскими, но твердыми социальными гарантиями, которые она когда-то обеспечивала “человеку с улицы”. Уж эти-то молодые, только-только вступившие или вступающие в жизнь, о возврате к прошлому не мечтают сегодня никак.

Психологический климат в стране, мотивы поведения людей меняются, и меняются очень быстро — как наверху, так и внизу. В полном соответствии с законами рынка, в России определяющими все более становятся либо стремление к экономическому успеху, к обогащению, либо (у тех, кто слабее) психология выживания, но с расчетом прежде всего на собственные силы и лишь отчасти — полагаясь на помощь государства. Иными словами, система ценностей, жизненных установок и побудительных мотивов, характерная для всех современных демократий, начинает побеждать и у нас.

Самая страшная инерционная сила в стране — российское чиновничество — видимо, уже смирилась с тем, что жизнь так резко переменялась. И более того: получив в свои руки фактически бесплатно государственную собственность (вместо прежнего достаточно ненадежного права только распоряжения ею), она теперь, конечно, без крови и новой революции уже не отдаст эту собственность назад никому.

Невероятно быстро в стране сложился мощный, кровно заинтересованный в стабильности слой банкиров и финансистов, выступающий кое-где уже почти на равных с государством (о чем свидетельствует, например, недавнее предложение известного консорциума частных банков выкупить, по сути дела, государственную долю в ряде ведущих полуприватизированных предприятий и промышленных объединений). Появляются серьезные признаки того, что торговый и финансовый капитал вообще начинает понемногу переориентироваться на производственную, прежде всего инвестиционную сферу. Поведение и самих руководителей промышленных предприятий — как приватизированных, так и частных — все более ощутимо становится рыночным: так, по обследованиям, уже около 1/3 из них главной своей целью ставят получение прибыли, повышение эффективности производства, конкуренцию на рынке,

инвестиции, а не сохранение занятости. А через 5 лет, по некоторым оценкам, можно ожидать сокращения доли промышленной продукции, производимой в рамках традиционного, нерыночного поведения, до 1/4 и повышения ее доли, производимой в соответствии с рыночными, истинно предпринимательскими критериями, до 3/4.

Необходимо учитывать и общий фон, на котором происходят эти сдвиги в поведении. По доле в производимом ВВП страны соотношение между казенным, полугосударственным (приватизированным) и подлинно частными секторами экономики уже достигло 38:37:25.

Серьезная опасность социальной стабильности в России сегодня может исходить только снизу, а не сверху, не от высших по доходам и по своему социальному положению слоев общества. Но и в основной массе российского населения тяга не к “ворчанию” (это всегда было и будет), а к открытому социальному протесту пока еще, повидимому, не так велика, как это иногда кажется сторонним наблюдателям, особенно за рубежом. Об этом свидетельствуют, в частности, не только усиливающееся политическое равнодушие людей, их повальное нежелание идти на любые, пусть и демократические выборы, но и их нынешняя, невиданная в прошлом сосредоточенность на чисто личных способах выживания и обустройстве собственной жизни: подсобном хозяйстве, садово-огородных участках, мелкой торговле (пресловутые “челноки”, например, всего за два-три года одели и обули чуть не всю Россию), строительстве собственных домов (что, между прочим, уже породило, несмотря на общий кризис, подлинный бум в жилищном строительстве).

Да и в “зонах социального бедствия” отнюдь не везде следует, видимо, ожидать невыносимого накала политических и социальных страстей.

Пенсионеры и инвалиды в наших российских условиях — это, убежден, не опасность для стабильности общества: они могут проголосовать на выборах против нынешних властей, но они слишком социально слабы, чтобы составить движущую силу стихийного, так сказать, “уличного” сопротивления. Российское крестьянство, в трех своих поколениях раздавленное большевиками, будет, похоже, и дальше потихоньку спиваться и вымирать (особенно в Нечерноземье), а все жизнеспособные силы его найдут себе место либо в организованных по-новому, подлинно кооперативных хозяйствах, либо в фермерстве, тоже объединенном развитой сетью различных кооперативных отношений. Армия и правоохранительные органы, подчиненные какой-никакой, но все же государственной дисциплине, никогда не были в России самостоятельным источником социальных потрясений, и для их непоправимого разложения необходимо что-то такое не меньшее, чем сокрушительное поражение в войне и тотальный крах государства.

Наконец, российская интеллигенция (учителя, врачи, ученые, работники культуры), находящаяся сегодня в самом бедственном, униженном положении, тоже вряд ли способна к открытому социальному взрыву. Во-первых, в силу своего понимания, что жизнь страны пусть и болезненно, через пень-колоду, но все-таки возвращается в здоровое, нормальное русло, во-вторых, в результате приобретенного на собственной же шкуре горького нашего исторического опыта, убедительно свидетельствующего о том, что кровь, насилие, бунт никогда не решали и не решают никаких проблем, а в-третьих, просто по своей извечной социальной беспомощности.

Действительно реальную опасность для социальной стабильности общества и

для будущего реформ представляют в нынешней России, пожалуй, лишь две значительные и во многом взаимосвязанные между собой социальные силы: рабочие (и другой персонал), занятые на все еще действующих, но обреченных на закрытие либо на жесткую рационализацию предприятиях, и население депрессивных районов. Пока еще они терпят то, что происходит. Военно-промышленный комплекс, например, еще ни разу не вышел нигде на улицу. Не было никаких серьезных волнений и в текстильной Ивановской области, и в других районах, охваченных ныне депрессией. Шахтерские же забастовки были направлены преимущественно против задержек в зарплате, но не против, скажем, закрытия в 1994 г. 11 убыточных или намеченного на 1995 г. закрытия еще более 30 таких же шахт в различных угледобывающих районах страны.

По-видимому, в этих депрессивных отраслях и районах (в особенности, если начнется, наконец, естественный процесс банкротств и связанный с ним новый рост безработицы) можно ожидать в ближайшем будущем всякого: массовых забастовок, особенно под водительством новых, т.н. “независимых” профсоюзов, волнений, протестов, блокады транспортных путей, и пр. Не исключено также, что в массе своей люди в этих отраслях и районах потребуют на выборах возвращения к власти бывших коммунистов и более того — добьются их возвращения. В любом случае, думаю, определенное “полевение” политики властей, замедление рыночных реформ и возрастание роли чисто социальных факторов в жизни российского общества в ближайшее время, видимо, неизбежно.

Но даже, так сказать, в худшем варианте, т.е. если бывшие коммунисты открыто вернуться к власти — что реально это изменит в стране, в ее экономике? Убежден, и бывшие коммунисты будут вынуждены делать то же, что делает нынешнее правительство, только, может быть еще менее уверенно и с большей оглядкой на конкретно российские социальные и психологические ограничители рыночных преобразований. Упрощенно говоря, Воркута при любом властном раскладе будет, несомненно, закрыта. Но, может быть, закрыта в более длительные сроки и менее болезненно (а следовательно, и менее опасно) для общества, чем это сделали бы радикальные демократы-рыночники.

Убежден: *довести страну до бунта может сегодня разве только что совсем уж безжалостное и лишённое всякого чувства реальности правительство.* Властная вертикаль в государстве, похоже, что постепенно восстанавливается, пусть и на новой, непривычной для нас основе, имея в виду благотворный в целом процесс передачи полномочий из центра в регионы и на места. Для любого правительства дело теперь преимущественно за тем, чтобы в извечном конфликте между экономической эффективностью и социальными потребностями общества найти “золотую середину”, обеспечивающую и продвижение вперед по пути экономических реформ, и социальную стабильность в стране.

Нужно закрывать безнадежно убыточные, живущие только на бюджетные субсидии предприятия? Нужно, если России суждено когда-либо вырваться из порочного круга отсталости, технического регресса и тотальной неэффективности производства. Нужно снижать налоги, бороться с инфляцией, укреплять национальную валюту, стимулировать сбережения, возрождать инвестиционный процесс? Нужно, если мы хотим иметь здоровую, устойчиво растущую экономику, как и везде в мире.

Нужно не сдерживать, а поощрять частное предпринимательство? Нужно, хотя бы просто для того, чтобы не иметь в стране неприемлемо высокую безработицу. Нужно поощрять кооперативное строительство на селе и фермерство, основанное на частной собственности на землю? Нужно, если мы хотим хотя бы через два-три поколения, но иметь в российской деревне не пустыню, а какую-то нормальную, человеческую жизнь. Нужно и дальше открывать российскую экономику для иностранной конкуренции и в то же время сохранять в ней какой-то умеренный протекционизм с целью временной защиты наших пока еще очень слабых, по мировым критериям, производителей? Нужно, если хотим достичь современного уровня эффективности производства, не разрушив в то же время полностью уже имеющийся экономический потенциал страны.

Безусловно, все это нужно. И любое мыслимое сегодня российское правительство не может уклониться от решения этих задач. Но их можно решать и дальше преимущественно методами “хирургии без наркоза”, а можно и так, чтобы операция прошла с минимумом боли и страданий для оперируемого. Думаю, наш же собственный опыт первых лет реформ с достаточной очевидностью показал, что люди могут вытерпеть многое, но далеко не все. И лучше все же не испытывать их терпение на предельные, чреватые разрушительным социальным взрывом перегрузки.

Мне, конечно, могут возразить: да, все это так, но в подобных “успокаивающих” рассуждениях не учитывается один исключительно важный, а может быть, и решающий на сегодня момент, а именно — моральная деградация общества, всеобщее одичание и крушение нравственных устоев, разгул коррупции, преступности и насилия в стране. Но и здесь, убежден, все опять-таки зависит от того, какими глазами смотреть на нашу сегодняшнюю действительность — с верой или, наоборот, неверием в жизнеспособность России.

Временно ли это ужасающее падение нравов или теперь это уже навсегда? Не знаю. Но все-таки есть определенные основания надеяться, что многое и в этом отношении может измениться к лучшему даже еще при жизни нынешних поколений, не говоря уже о следующих. Как говорится, не мы первые, не мы последние. В конце концов, даже и сегодня, по статистике, в Нью-Йорке убивают все-таки больше людей, чем в Москве. И, как известно, Кеннеди-старший нажил свое состояние в основном на подпольном производстве и контрабанде спиртного в годы “сухого закона”, а сын его, Дж. Ф. Кеннеди, не только кончил Гарвард, но и стал президентом США.

* * *

Нигде, наверное, в мире человеческая зависть и стремление к уравнительности не пустили такие глубокие корни, как в России. Можно сколько угодно сокрушаться по этому поводу, но для общественного спокойствия, для политической и социальной стабильности страны лучше принять это все за данность, и не отмахиваться от очевидных особенностей исторически сложившейся национальной российской психологии, а в любых планах на будущее делать соответствующие поправки на нее.

По чисто объективным, инерционным причинам, Россия в видимой перспективе обречена иметь в своей экономике мощный казенный, государственный сектор, охватывающий прежде всего большую часть оборонной промышленности, инфраструктуру страны и основной ее научно-технический потенциал. Все остальное может и

должно быть оставлено частному и (не следует недооценивать его потенциальную силу) кооперативному сектору.

Но в социальной сфере, убежден, нет никакого смысла и дальше разрушать то, что можно отнести к бесспорным достижениям предыдущей эпохи: бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, государственную поддержку социально слабым и обездоленным (включая жилье), гарантированное государственное пенсионное обеспечение. Все эти сугубо государственные средства поддержания социальной устойчивости и благоприятного социального климата в стране вполне могут сочетаться с ничем не сдерживаемой активностью частного сектора в тех же самых областях. Но подобная активность должна не противопоставляться, а дополнять государственную систему социальных гарантий, рассчитанную только на минимальные, но абсолютно необходимые потребности общества.

Ничего нового в таком сочетании государственного участия в экономической и социальной жизни страны с частной инициативой на всех ее уровнях нет. Это все в той или иной мере уже давно имеется в большинстве демократических, экономически развитых стран мира. *И называется это социал-демократией*, даже если по чисто политическим или идеологическим причинам такое общественное устройство и именуется где-либо “социальным рыночным хозяйством”, “либерально ориентированной экономикой” или даже, если угодно, “монетаризмом”, разумеется, если он не приобретает какие-то абсурдные, крайние формы.

Убежден: именно социал-демократическая модель, окрашенная, естественно, в сугубо российские тона — это и есть будущее России.